

НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ СООБЩЕСТВ В АРМЯНСКОЙ ДЕРЕВНЕ

(Вторая половина XIX века)

Ю. И. МКРТУМЯН

Этнографическое изучение скотоводческого хозяйства у армян позволяет выделить не только хозяйственную и бытовую особенность народа, но дает также ценные материалы для исследования характера общественных отношений в армянской деревне во второй половине XIX века.

В истории Армении этот период характеризуется проникновением капиталистических отношений в деревню, в результате чего усиливался процесс расслоения крестьянства. В этих условиях хозяйство армян, прежде замкнутое полунатуральное, стало связываться с рынком и постепенно приобретало черты товарного хозяйства. Однако процесс ломки старинной патриархальной замкнутости шел медленно, и одной из причин этого явилось сохранение общинных устоев в армянской деревне.

Интересные материалы в этом отношении дает изучение сообществ по выпасу скота («сари амкал», «ынгерутин» и др.), которые были широко распространены в крестьянском быту армян вплоть до коллективизации. Скотоводство было вторым основным занятием армян, а в нагорных районах оно, по удельному весу в хозяйстве, приравнивалось к земледелию; поэтому вопросы ведения скотоводческого хозяйства издавна имели важное хозяйственное значение. Ряд исследователей крестьянского быта народов Кавказа—С. П. Зелинский¹, А. М. Аргутинский², Н. А. Абелов³, А. Е. Хан-Агов⁴, А. Г. Деконский⁵, А. В. Парвицкий⁶, А. А. Калантар⁷, С. А. Егназаров⁸, Ц. Н. Бжания⁹ и др.—в своих работах указывали на распространенность сообществ по выпасу скота у кавказских народов, однако ни у одного из них, за исключением С. А. Егназарова и Ц. Н. Бжания, они не были предметом специального изучения, хотя исследование этих сообществ может дать ценный дополнительный материал для изучения всей совокупности общественных отношений на селе в рассматриваемый период.

Основным источником при написании данного сообщения послужили полевые этнографические материалы, собранные автором в различных районах Армении, главным об-

¹ С. П. Зелинский. Экономический быт государственных крестьян в Шорагяле Александропольского уезда Эриванской губернии. Материалы, т. I. Тифлис, 1885, стр. 48.

² А. М. Аргутинский. Экономический быт государственных крестьян Сигнахского уезда Тифлисской губернии. Материалы, т. IV. Тифлис, 1886, стр. 278.

³ Н. А. Абелов. Экономический быт государственных крестьян Геокчайского и Шемахинского уездов Бакинской губернии. Материалы, т. VI. Тифлис, 1889, стр. 17.

⁴ А. Е. Хан-Агов. Экономический быт государственных крестьян в Эчмиадзинском и Сурмалинском уездах Эриванской губернии. Материалы, т. III. Тифлис, 1886, стр. 304—305.

⁵ А. Г. Деконский. Экономический быт государственных крестьян в Шушинском и Джебраильском уездах Елисаветпольской губернии. Материалы, т. IV, стр. 283.

⁶ А. В. Парвицкий. Экономический быт государственных крестьян юго-западной части Новобаязетского уезда Эриванской губернии. Материалы, т. I, стр. 331.

⁷ А. А. Калантар. Алагезские казенные летние пастбища Александропольского и Эчмиадзинского уездов Эриванской губернии. Материалы, т. III. Тифлис, 1895, стр. 88 и сл.

⁸ С. А. Егназаров. Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. I. Сельская община. Казань, 1889, стр. 190—196.

⁹ Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства абхазов. Сухуми, 1962, стр. 77—90.

разом в Иджеван-Тавушском, Лори-Памбакском, Гехаркуннском и Зангезурском историко-этнографических районах в 1960--1965 гг., а также имеющиеся в литературе описания.

Настоящее сообщение было прочитано на состоявшейся в апреле 1965 г. в г. Баку Всесоюзной сессии археологов и этнографов (краткие тезисы опубликованы в «Материалах сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР», Баку, 1965, стр. 186—187).

Анализ этнографического материала показывает, что основным принципом, лежащим в основе организации сообществ по выпасу скота, известных в крестьянском быту армян во второй половине XIX в., был принцип территориальный. Однако изучение состава многочисленных сообществ показало, что помимо этого основного принципа и другие факторы играли значительную роль при их организации, учет которых позволяет из множества разновидностей сообществ выделить три основные формы, которые в своей основе выражают степень социально-экономического развития в различных районах. Эти формы следующие: 1) сообщества родственников, равных по своему имущественному положению, 2) сообщества соседей-общинников, также равных по своему имущественному положению и 3) сообщества соседей-общинников, различных по своему имущественному положению.

Выделение это носит условный характер, поскольку в действительности формы сообществ связаны друг с другом рядом переходных ступеней, которые позволяют проследить процесс перерождения одной формы в другую. Однако оно необходимо прежде всего для правильного определения места и характера этих сообществ у армян в рассматриваемый период.

Перейдем к каждой из этих форм в отдельности.

Сообщества родственников, равных по состоянию

Сообщества этой формы составлялись исключительно из числа ближайших и дальних родственников для ведения скотоводческого хозяйства и включали от 4 до 8 семей (размер сообщества ограничивался возможностями создания одного приличного стада), при этом объединялись, как правило, зажиточные и середняцкие хозяйства. Подобные сообщества засвидетельствованы нами в ряде селений Иджеван-Тавуша, Зангезура и Гугарка в рудиментарной сохранности. Этнографический материал показывает, что сообщества родственников имели место лишь в тех селениях, где во второй половине XIX в. еще сохранялись кварталы, заселенные преимущественно родственными семьями. Названия кварталов происходили от фамилии, преобладавшей в данной части села. Так, с. Крдеван (ныне с. Енокаван Иджеванского района) делилось на следующие кварталы: Орднанц тах, Джагаранц тах, Чибухчонц тах, Макуртанц тах, Пашнанц тах, Ирицанц тах и др.¹⁰ Деление на кварталы имело и некоторый хозяйственный смысл, проявившийся, прежде всего, при организации сообществ по обработке земли и выпасу скота, которые, как правило, не совпадали. Естественно, что раз кварталы состояли из родственных семей, то и при организации сообщества родственники должны были составить его ядро.

Анализ состава отдельных групп крестьян, селившихся на летних пастбищах и зимовниках на одном и том же месте, свидетельствует о постоянстве членов сообществ. Так, в с. Дсех (ныне с. Тумаян Алавердского района) в 90-х годах прошлого столетия группы родственных семей из года в год организовывали сообщества по выпасу скота. В зимовнике (гомаанд) Ахеги совместно держали скот близкие родственники Татул, Григор, Саро Харатяны и их дальний родственник Маджинян Аслан. В зимовнике Хндзорохси, того же селения, совместно держали скот двоюродные братья Аршак, Соси и Тигран Ваняны. Однако следует отметить, что в распоряжении крестьян с. Дсех

¹⁰ Архив Сектора этнографии Института археологии и этнографии АН Арм. ССР. Ю. И. Мкртумян. Послевые этнографические материалы за 1960 г. Иджеван-Тавуш. Папка № 1, стр. 2.

имелись и зимовники, которые были в пользовании общинников, не находившихся в родственных отношениях, как, например, Ацут, Бематала и др.¹¹ В летний же период члены одного и того же сообщества селились вместе, занимая либо отдельную стоянку, либо часть ее. Аналогичные материалы собраны в ряде других селений. В с. Шаали (ныне с. Ваагни, Гугаркского района) сообщества, составленные родственными семьями, на летних пастбищах занимали отдельные части стоянок, называвшиеся Кочнанц бина, Вардманц бина, Оананц бина, Каханц бина и др.¹²

Члены сообщества, составленного из родственников, имели равные права и обязанности; руководящую роль в нем играл самый опытный в пастушеском деле и наиболее уважаемый во всей фамилии человек, которого называли «мец ынкер» (арм., букв. «старший товарищ»). В данном случае он мог быть и не самым богатым членом сообщества.

Нами засвидетельствованы две разновидности рассматриваемой формы сообщества: полная и неполная.

Полная форма имела место тогда, когда члены сообщества складывали весь скот, находившийся в их распоряжении и сообще содержали его. От каждой семьи-участницы выделяли по одному человеку, который шел в пастухи. При этом сообщество обходилось без найма пастуха на стороне. Члены сообщества вместе поднимались на летние пастбища, где на одной стоянке сообще строили для каждой из семей жилые и хозяйственные помещения. Подобное сообщество родственников имело место в с. Шаали и называлось «джамубир» (азерб.¹³, букв. «приравнять скот»). Члены сообщества должны были обладать примерно равным количеством скота. Обычно пять голов мелкого скота приравнивались одной корове.

Неполная форма сообщества имела место тогда, когда члены его складывали только мелкий рогатый скот, а для содержания крупного скота прибегали к найму пастуха на стороне, плата которому производилась натурой—зерном, молоком или скотом. Обязательным условием членства являлось обладание равным количеством скота. Если же у кого-либо из членов было меньше овец, то он брал недостающее количество скота у своего обедневшего родственника или соседа и присоединял к своему стаду.

Некоторые этнографические параллели мы находим и у других народов Закавказья. Так, исследователь крестьянского быта азербайджанцев Н. А. Абе́лов указывал на существование в 80-х годах товариществ по выпасу скота («дянгя»), каждое из которых состояло из совокупности родственных семей¹⁴.

У абхазов, по свидетельству Ц. Н. Бжания, в первой половине XIX в. широко были распространены сообщества, в которых объединялись ближайшие родственники-однофамильцы и где отношения между всеми членами были равноправные¹⁵. Однако, сравнивая характер сообщества у азербайджанцев (кочевых и полукочевых) и абхазов, с одной стороны, и у армян, с другой,—прослеживается разница в целях их организации. У тех и у других они вызваны были к жизни конкретными экономическими условиями. Но если у первых сообщества организовывались главным образом для того, чтобы лучше вести скотоводческое хозяйство, то у армян сообщества составлялись, как правило, для того, чтобы как можно больше людей освободить от занятия скотоводством для использования их на земледельческих работах. Поэтому основная часть взрослого мужского населения у армян оставалась летом в селении, в то время как у курдов и значительной части азербайджанцев на летние пастбища поднималось почти все население сел.

¹¹ Там же. Полевые этнографические материалы за 1965 г. Гугарк. Папка № 7, стр. 36.

¹² Там же. Полевые этнографические материалы за 1965 г. Гугарк. Папка № 7, стр. 81—82.

¹³ В тех районах, где армяне жили в соседстве с курдским и азербайджанским населением и где нанимали пастухов, преимущественно из числа курдов и азербайджанцев, в скотоводческом быту армян в значительной степени распространены были также термины курдского и азербайджанского происхождения.

¹⁴ Н. А. Абе́лов. Указ работа, стр. 108—109.

¹⁵ Ц. Н. Бжания. Указ работа, стр. 79.

Немаловажную роль при организации сообществ по выпасу скота имели и интересы самозащиты и безопасности, ибо на летних пастбищах Армении, куда стекался скот многих губерний Закавказья, процветало скотоводство¹⁶. Поэтому составление коллективов было необходимо для обеспечения целостности выпасаемых стад.

Сравнение этнографического материала, собранного в различных районах Армении, показывает, что сообщества, составленные из родственных семей, сохранялись как раз в тех селениях, где в конце XIX в. еще сильны были традиции семейной общины и азговых отношений, а именно в горных и предгорных районах, где крестьянское хозяйство отличалось большей архаичностью. И было бы правомерно назвать подобное сообщество семейно-родственной общиной. Изучение сообществ этой формы представляет большой интерес в том отношении, что в будущем, идя по ретроспективному методу исследования, возможно удастся восстановить древние формы общественных организаций у армян.

В ряде селений (Дзорагех, Шаали, Аджхара, ныне Тернапат) Гугаркского района были сообщества, состоявшие как из родственников, так и соседей-общинников, примерно равных по своему имущественному положению¹⁷, причем в одних преобладали родственные семьи, в других же—соседи-общинники. В ряде случаев факт принятия в сообщество не родственника мог быть продиктован как хозяйственными соображениями, так и возможными ссорами между родственными семьями. Здесь мы видим процесс перерождения одной формы в другую: соседские отношения сменяют родственные.

Сообщества соседей-общинников, равных по состоянию

Эта форма сообщества была наиболее распространенной в армянской деревне второй половины XIX в. Отличие ее от первой состоит в том, что сообщество составлялось из соседей-общинников, равных по своему имущественному положению. Здесь также имеет место равенство всех членов, хотя оно уже скорее формальное, поскольку во главе сообщества стоял, как правило, наиболее состоятельный из соучастников, и при решении таких важных вопросов, как определение мест летовок и зимовок, найм пастухов и др., решающее слово было за ним.

В небольших селениях скот делился на два стада (одно для крупного, другое для мелкого скота) и производился найм пастухов со стороны всего общества. В селениях же, обладавших большим количеством скота, крестьяне делились на группы, каждая из которых составлялась из хозяйств, равных по своему имущественному положению. Исследователь крестьянского быта армян Карабаха А. Г. Деконский писал, что в 80-х годах прошлого столетия «в основе деления домохозяев на группы (по выпасу скота.—Ю. М.) лежи, обыкновенно или родственная связь между дымами или сожитительство в одном отселке»¹⁸. Члены таких групп делили между собой расходы по найму и содержанию пастухов, плата же за пользование летними пастбищами распределялась между всеми хозяйствами общины, пропорционально числу скота, принадлежавшего каждому из них.

В с. Даликардаш (ныне с. Сарухан района им. Камо) середняцкие хозяйства составляли несколько сообществ по выпасу скота; в каждом из них объединялись семьи, жившие в одном квартале¹⁹. Каждая из семей-участниц могла отделиться от одной группы и присоединиться к другой; в этом ей никто не мог помешать. А. А. Калантар писал об армянах Ширака: «...Каждый из скотоводов является равноправным и самостоятельным хозяином и вступает в разные соглашения и сделки по свободному своему желанию»²⁰. У курдов и части азербайджанцев такая свобода была сильно ограничена

¹⁶ А. Г. Деконский. Экономический быт государственных крестьян в западной части Шаруро-Даралагезского уезда Эриванской губернии. Материалы, т. I, стр. 673.

¹⁷ Архив Сектора этнографии. Ю. И. Мкртумян. Полевые этнографические материалы за 1965 г. Гугарк. Папка № 7, стр. 62 и сл.

¹⁸ А. Г. Деконский. Указ. работа. Материалы, т. IV, стр. 283.

¹⁹ Архив Сектора этнографии. Ю. И. Мкртумян. Полевые этнографические материалы за 1963 г. Гехаркуник. Папка № 3, стр. 21.

²⁰ А. А. Калантар. Указ. работа, стр. 90.

особенностями форм пользования как летними, так и зимними пастбищами, при которых пастбища делились на участки и закреплялись за отдельными группами²¹. В то время как армяне пользовались пастбищами, по выражению С. П. Зелинского, «нераздельно, свободно и неограниченно»²². Разница, существовавшая между разными народами и даже отдельными группами одного и того же народа в формах пользования пастбищами являлась результатом особенностей хозяйственной жизни и своеобразия исторических условий развития. В этом отношении интересны азербайджанцы, среди которых во второй половине XIX в. были и оседлые и кочевые. А. А. Калантар отмечал, что в то время как азербайджанцы кочевых обществ Чобанкяра, Колубеклю, Ильхкорух и другие делили пастбища на отдельные участки и закрепляли их за отдельными общинами, оседлые азербайджанцы, занимавшиеся в широких размерах земледелием, пользовались пастбищами целыми обществами. Здесь отчетливо видно, как изменение формы хозяйства изменяет форму пользования пастбищами.

Сельские общины у армян, владевшие большим количеством скота и незначительными по размерам пастбищами, вынуждены были пасти скот отдельными стадами на различных участках, однако это не устраняло общественного характера пользования пастбищами, что, несомненно, является свидетельством живучести традиций сельской общины в армянской деревне.

Другая особенность этой формы сообщества у армян состоит в том, что при его организации крестьяне нанимали пастухов на стороне, из числа курдов и азербайджанцев. Это было связано с тем, что ведение земледельческого хозяйства вынуждало поручать содержание скота посторонним лицам; кроме того, то обстоятельство, что курды и азербайджанцы были искусными скотоводами, также имело немаловажное значение при их найме. Следует указать, однако, что в тех случаях, когда сообщества составлялись из зажиточных или середняцких хозяйств, от каждой семьи-участницы в пастухи выделялся один из членов семьи, причем, как правило, младший. Исследователь быта армян Новобаязетского уезда (ныне бассейн оз. Севан) А. В. Парвицкий отмечал, что во многих селениях в пастухи нанимали курдов²³. То же сообщает С. П. Зелинский об армянах Ширака²⁴. Этнографические материалы, собранные в различных селениях Гехаркуника, свидетельствуют о том, что нередко были случаи, когда пастухи-курды вместе со всем своим семейством переселялись в армянскую деревню и жили в помещениях, предоставленных им одним из членов сообщества²⁵.

Сравнительный этнографический материал показывает, что подобные сообщества были известны и другим народам Закавказья. Так, у грузин Сигнахского уезда (ныне Сигнахский район Грузинской ССР), по свидетельству А. М. Аргутинского, в 80-х годах прошлого столетия мелкие владельцы скота объединялись в группы и нанимали пастуха, уплачивая ему по 10 коп. с головы крупного скота²⁶. Большое сходство с вышеописанной формой сообщества имеет временное объединение на летних пастбищах у мегрелов так называемая «амханагоба» (груз., букв. «товарищество»), в котором каждый член вел на кочевке свое индивидуальное хозяйство²⁷.

Если составление сообществ по выпасу скота в том или ином районе было связано с хозяйственными потребностями, то форма этих сообществ выражала определенную степень развития общественных отношений. Как уже было отмечено, сообщества, составленные исключительно из родственных семей, сохранились в рассматриваемый период лишь рудиментарно, сообщества же второй формы для армянской деревни второй половины XIX в. характерное явление, но находившееся в процессе трансформации. Изучение

21 А. Г. Деконский. Указ. работа. Материалы, т. IV, стр. 261.

22 С. П. Зелинский. Указ. работа, стр. 16—17.

23 А. В. Парвицкий. Указ. работа, стр. 328—341.

24 С. П. Зелинский. Указ. работа, стр. 46—50.

25 Архив Сектора этнографии. Ю. И. Мкртумян. Полевые этнографические материалы за 1963 г. Гехаркуник. Папка № 2, стр. 70.

26 А. М. Аргутинский. Указ. работа, стр. 289.

27 Ц. Н. Бжания. Указ. работа, стр. 88.

взаимоотношений, господствовавших в этих сообществах, показало, что, хотя отношения между их членами и равноправные и каждый из них волен поступать по своему усмотрению, однако, при решении важнейших вопросов по содержанию скота, решающее слово было на стороне более состоятельного члена. Здесь, как бы в зародыше, мы видим то неравноправие, которое в сообществе, составленном из различных по своему имущественному положению семей, уже выступит открыто. Однако сам факт наличия сообществ, составленных из равных по своему имущественному положению соседей-общинников, свидетельствует, на наш взгляд, о живучести общинных начал в армянской деревне.

Сообщества соседей-общинников, различных по состоянию

Эта форма сообщества имела место тогда, когда один из наиболее зажиточных крестьян самостоятельно нанимал пастухов для содержания собственного стада, затем уже к его стаду присоединяли свой малочисленный скот обедневшие члены общины, называвшиеся либо «джол»²⁸ (Гехаркуник), либо «порнак»²⁹ (Гугарк, Зангезур, Иджеван-Тавуш). Последние привлекались к известному платежу, вносимому в пользу владельца стада—«джол-баши»³⁰ или «чобнамер»-а³¹—на условиях, не зависящих от условий найма самих пастухов.

Данная форма сообщества получила особенно широкое распространение в последней трети XIX в., когда в армянской деревне шел усиленный процесс расслоения крестьянства.

В селениях, расположенных в горной и предгорной зонах, где скотоводство имело большой удельный вес в хозяйстве, были семьи, владевшие сотнями голов мелкого и десятками голов крупного рогатого скота. Так, в с. Кишлаг (ныне Жданов, Гугаркского района) в 90-х годах прошлого столетия Кочаранк имели около 500 овец, 60—70 голов крупного рогатого скота, из них 12 рабочего, 9—10 лошадей. Приблизительно такое же количество скота имели Гамбаранк, Навасарданк и Алавердонк³². В с. Гамзачиман (Гугаркский район) своими стадами выделялся Матинян Акоп, имевший три стада мелкого (каждое по 400—450 голов) и одно—крупного рогатого скота, насчитывавшего до 100 голов³³. Хозяйства среднего достатка этого же селения имели по 40—50 овец, 10—12 голов крупного скота, из них 1—2 пары быков или буйволов. Бедняцкие же хозяйства имели по 10—20 овец, 1—2 коровы. По сообщению информаторов, в с. Гамзачиман, имевшем в 1894 г. 97 дымов, было 10—12 хозяйств, совершенно лишенных скота³⁴. В исследовании А. В. Парвницкого, посвященном изучению быта армян Новобаязетского уезда, приводятся аналогичные сведения. В то время как зажиточный крестьянин из с. Кулалы (ныне Гехаркуник, района им. Камо) Агаджан Тер-Кеворков, по данным А. В. Парвницкого, имел 10 голов рабочего скота, 13 коров и телят, более 200 овец и с 1 марта по конец декабря нанимал трех батраков (нокаров) для ведения всего хозяйства, семья Мовсеса Оганесова, будучи лишенной скота, вынуждена была сдавать землю в аренду из половины урожая. Сам же Мовсес Оганесов нанимался в батраки³⁵.

²⁸ «Джол»—курд., букв. «соучастник».

²⁹ «Порнак»—арм., см. «Толковый словарь армянского языка» С т. М а л х а с я н ц а, т. IV, Ереван, 1945, стр. 510. В данном случае означает бедняка, который отдавал свой скот на содержание богачу, а взамен выполнял ряд сельскохозяйственных работ в пользу последнего либо отдавал определенное количество скота.

³⁰ «Джол-баши»—составное слово: «джол»—«соучастник», «баш»—азерб., «голова»; отсюда «глава джолов» или «глава соучастников».

³¹ «Чобнамер»—составное слово: «чобан»—азерб., «пастух», «мер»—«майр»—арм., «мать»; отсюда «мать пастуха», человек нанявший и содержавший пастуха.

³² Архив Сектора этнографии. Ю. И. М к р т у м я н. Полевые этнографические материалы за 1965 г. Гугарк. Папка № 7, стр. 2.

³³ Там же, стр. 50.

³⁴ Там же, стр. 50—51.

³⁵ А. В. Парвницкий. Указ. работа, стр. 351—358.

В с. Гел (ныне Личк, Мартунинского района) в конце 90-х годов прошлого столетия крупные скотовладельцы Усепян Акоп, Саакян Артем и другие нанимали пастухов для содержания собственных стад. К ним присоединяли свой малочисленный скот бедняки, которые с каждых 20 овец платили хозяину стада по одному ягненку³⁶. В с. Шишкерт (Кафанский район) зажиточные крестьяне Погосян Мартирос, Мирзоян Акобджан, Ованисян Бадал, нанимавшие самостоятельно пастухов, имели по 3—5 порнаков³⁷. То же имело место у армян Ширака³⁸.

В сообществах этой формы преобладали отношения господства и подчинения, но не в прямой, а в прикрытой, завуалированной форме. Причем интересно, что в различных районах степень выраженности отношений эксплуатации была различной. Так, в селениях Гехаркуннка, Ширака, Вайоц-дзора и др., где в конце XIX в. скотоводческое хозяйство уже приобретало определенные черты товарного хозяйства и где значительное количество скота было сосредоточено у зажиточных крестьян, производивших животноводческие продукты и для сбыта, имела место беззастенчивая эксплуатация общинников со стороны владельцев стад. В селениях же Зангезура, Иджеван-Тавуша, Гугарка и др., где крестьянское хозяйство отличалось сравнительно большей архаичностью, общинные традиции были более живучи и отношения эксплуатации сближались в форму соседской и родственной взаимопомощи.

Этнографические параллели показывают, что в конце XIX в. и у ряда других народов Кавказа—грузин, азербайджанцев, курдов, абхаз, даргинцев, черкес³⁹—также широко были распространены сообщества этой формы, однако у каждого народа они приобретали ряд черт, обусловленных особенностями хозяйственной жизни и своеобразием его исторического развития.

В сообществах, составленных из различных по своему имущественному положению семей, не могли установиться равноправные отношения уже потому, что условием приема того или иного крестьянина в сообщество было согласие его главы, который уже не являлся выборным, а был таковым в силу исключительного своего имущественного положения. В этом коренное отличие этой формы сообществ от двух предыдущих.

Этнографическое изучение скотоводческого хозяйства, отличавшегося наибольшей архаичностью среди других занятий армян, и особенно форм сообществ по выпасу скота дает возможность выявить те рудименты архаичных форм общественных организаций, которые еще сохранялись в армянской сельской действительности второй половины XIX в. И это очень важно как с точки зрения дальнейшего их исследования в будущем и, возможно, восстановления древних форм общественных организаций у армян, так и с точки зрения учета всей совокупности общественных отношений на селе.

Наше изучение показало, что во второй половине XIX в. у армян, наряду с классовыми отношениями, сохранились и более архаичные формы общественных отношений. Это объясняется своеобразием армянской деревни рассматриваемого периода, когда, с одной стороны, шел процесс утверждения капиталистического уклада и усиленного расслоения крестьянства, а с другой—ввиду архаичности крестьянского хозяйства во многих районах Армении—общинные отношения, совпадавшие в некоторых селениях с родственными, все еще были живучи.

³⁶ Архив Сектора этнографии. Ю. Н. Мкртумян. Полевые этнографические материалы за 1963 г. Гехаркунник. Папка № 2, стр. 69.

³⁷ Там же. Полевые этнографические материалы за 1964 г. Папка № 6, стр. 45.

³⁸ С. П. Зелинский. Указ. работа, стр. 48.

³⁹ См. А. М. Аргутинский. Указ. работа, стр. 218; А. Е. Хан-Агов. Указ. работа, стр. 304—305; А. А. Калентар. Указ. работа, стр. 88—89; С. А. Егизаров. Указ. работа, стр. 192; «Народы Карачаево-Черкесии». Ставрополь, 1957, стр. 34; «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952, стр. 34.